кой попытке в этом же роде. Упоминавшийся выше (см. стр. 17, прим. 16) французский литературовед Э. Лаблени поставил своею задачей разграничить «главнейшие французские поэтические школы с эпохи Возрождения до наших дней» путем перечисления их отношения к определенным проблемам. Многое для советского литературоведа покажется архаичным в этой эмпирически, почти бухгалтерски построенной анкете, но кое-что все же заслуживает внимания.

Э. Лаблени берет пять «школ» («Плеяда», «классицизм», «романтизм», «Парнасс», «символизм») и устанавливает их отношение к трем основным моментам творчества художника: а) «вдохновение или труд?», б) «содержание», в) «форма». Пункты «б» и «в», в свою очередь, имеют подразделения, а именно: «содержание» рассматривается со стороны «источников», «сюжетов» («я», «человек», «природа»), «цели» («удовольствие», «поучение»), а «форма» — со стороны «жанров», «стиха» («рифма» и «ритм»), «языка» («словарь» и «стиль»).[29]

Нет необходимости приводить здесь всю анкету Лаблени, — это не имеет прямого отношения к нашей задаче. Но чтобы представить себе характер классификации автора, достаточно остановиться на одном разделе — том, который он называет «источниками». Вот какой вид имеет это у Лаблени.

«Источники.

«Плеяда. — Греко-латинская древность (+ Италия).

«Классицизм. — Греко-латинская древность (иногда Испания и Италия).

«Романтизм. — Древность библейская. — Средневековье. — Ближний Восток. — Северные литературы.

«Парнасс. — Греко-латинская древность. — Дальний Восток. — Экзотизм с научными тенденциями.

«Символизм. — Источники неопределенные, но тяготение к северным литературам».[30]

Как всякая классификация, анкета Лаблени — даже в цитированной части — явно грешит натяжками. Достаточно указать, что для французского классицизма «древность библейская» была не менее важным источником, чем Испания (вероятно, имеется в виду «Сид» Корнеля); стоит только вспомнить «Гофолию» Расина, «Полиевкта-мученика» Корнеля, переводы «Псалмов» Ж.-Б. Руссо и другие, чтобы убедиться в том, что «древность библейская» не в меньшей мере, чем для романтизма, являлась «источником» для классицизма.

Однако дело не в фактических неточностях и не в эмпирическом характере анкеты Лаблени, а в том, что он по-своему, конкретно историко-литературно подошел почти к тем же выводам, что и со-

---

[29] E. Lablénie. Recherches sur la technique des arts littéraires, стр 89—96
[30] Там же, стр 92—93